

Что именно Сюэ Кайчао собирался делать с Шу Цзюнем, Ю Юнь и другие были прекрасно осведомлены. Убийца, телохранитель — при таких отношениях это было вполне объяснимо. Держать его рядом — все равно что спрятать острый клинок у изголовья кровати: скрытая гарантия безопасности, да и самому Шу Цзюню это помогало замаскировать свою сущность.

Хотя Сюэ Кайчао и не подавал вида, но уже дал понять. После того как Ю Юнь удалилась, он всё же спросил самого Шу Цзюня:

— Ты, наверное, тоже понимаешь, что имела в виду Ю Юнь. Что ты на это скажешь?

Шу Цзюнь знал, о чём идёт речь. Даже натянутую улыбку изобразить не мог. На душе было пусто, ноги подкашивались. Стоя перед ним, он чувствовал себя так, будто на него смотрит свирепый зверь, и не знал, справится ли:

— Я... не знаю. Милость господина, то что он удостоил меня вниманием — уже великая честь. У меня нет никаких возражений.

И это была правда.

Не говоря уж о великой милости, — Сюэ Кайчао вообще не любил, когда ему об этом говорили, — так ещё и разница в статусе была такой, что в любое время Шу Цзюню и в голову не приходило рассуждать, хочет он этого или нет.

Жизнь его к этому моменту стала совершенно новой, невиданной доселе территорией. И Шу Цзюнь, шагая по ней, ничего не понимал, легко принимая всё, что происходило.

Даже если бы его попросили высказаться, он бы ничего не смог сказать. Заглядывая вперёд, он думал: если дело действительно дойдёт до того, он, пожалуй, не пожалеет.

Если бы Сюэ Кайчао, увидев его колебания, отказался от своего намерения, то, возможно, в этом была бы и толика сожаления.

В конце концов, Сюэ Кайчао был единственным в жизни Шу Цзюня, кто обладал таким положением и такой внешностью. Возможно, шанс представится только один, и именно поэтому Шу Цзюнь медлил.

В театральных труппах тоже пели о любви, о страстях, о мужчинах и женщинах, запутанных в своих чувствах. Женщины пели: «Отдам все силы, чтоб порадовать тебя сегодня». Раньше Шу Цзюнь не понимал этих слов, да и сейчас не очень понимал. Но сейчас они вдруг всплыли в памяти, превратившись из бессмысленного текста в некое чувство.

Этой жизни хватило бы и одного дня, чтобы отдать всё одному человеку, испытать полную, безудержную радость — вот, наверное, что это значило. С древних времён женщины, ища любви, ставили себя очень низко, словно им было достаточно одного взгляда, чтобы прожить всю жизнь.

*

«Девушка-недотрога из скромной семьи

Не смеет и мечтать о знатном женихе.

Чувствуя его глубокую привязанность,

Стыдится красоты своей неброской, тихой».

*

Глубокая привязанность — не обязательно настоящая, но и «не смеет мечтать» — тоже не совсем правда. Женщины, добываясь внимания и милости, поступали именно так. Шу Цзюнь не читал этого стихотворения, но его ответ частично отражал его смысл, говоря лишь о том, что он недостоин.

Но он действительно так думал, поэтому был готов к тому, что произойдёт в будущем. Он не был совершенно невежественным ребёнком, лишённым самоосознания, который в панике выбрал этот путь.

Сюэ Кайчао был несколько удивлён его проникательностью, но больше не стал расспрашивать. Он уже принял решение и не считал это чем-то значительным, словно перед ним лежал кусочек сладости — есть его или нет, и сколько, зависело лишь от его сиюминутного настроения.

В ту ночь Шу Цзюню всё же пришлось сначала искупаться, прежде чем отправиться в комнату Сюэ Кайчао. Он тщательно вымылся в горячей воде, волосы вымыл ароматным порошком, и они, как толстый шёлк, ниспадали на плечи. Ю Юнь и Ю Цюань по очереди вытирали его, даже шутя предлагали подравнивать ему брови.

Шу Цзюнь уловил их намёки: с одной стороны, как приближённые служанки, они угадывали мысли Сюэ Кайчао, с другой — заботились о нём самом. Но соперничество за внимание было ему не по душе. Они наряжали его, как женщины в затворничестве наряжают своих любимцев, с избыточным усердием, которое он не мог вынести, и, вскочив, он побежал в комнату Сюэ Кайчао.

В пути они двигались днём и ночевали на почтовых станциях. Эту ночь они провели в одной из таких гостиниц. Обстановка в комнате Сюэ Кайчао была той же, что и в усадьбе, поэтому Шу Цзюнь без труда пробрался внутрь. Ю Юнь и другие, конечно, не посмели последовать за ним. Но он, добежав до кровати, вдруг почувствовал неладное, в нём зародилось сожаление и беспокойство, и он не решился залезть под полог.

Хотя они уже не раз делили постель, но днём ему напомнили о его положении, и теперь всё стало иным.

Из курильницы в виде священного зверя струился тонкий дымок, стелясь по полу. Он стоял босиком у кровати, полувлажные волосы делали его тонкую белую одежду полупрозрачной, а распущенные волосы придавали ему более юный и незащищённый вид, что вызывало жалость.

На нём не было украшений, кожа была цвета мёда, глаза глубоко чёрные, и, стоя у кровати в нерешительности, он выглядел очень простодушным.

Сюэ Кайчао откинул полог и спокойно смотрел на него, в его глазах появилось волнение.

Хотя этот день рано или поздно должен был наступить, Шу Цзюнь внезапно покраснел, жар распространился по его шее, и он забормотал:

— Господин...

Сюэ Кайчао приподнялся, его одежда и одеяло зашуршали, затем он взял Шу Цзюня за

запястье и притянул к себе. Шу Цзюнь всё ещё опускал голову, чувствуя стыд и сожаление, и не решался на него взглянуть, видя лишь край одеяла, на котором были вышиты светло-фиолетовые облака и журавли.

Рука Сюэ Кайчао была холодной, а рука Шу Цзюня — горячей, и прикосновение ощущалось обоими. Шу Цзюнь смутно понимал, что должен что-то сказать, но, пробормотав несколько раз, так и не смог начать.

У него не было такого опыта, и в данный момент у него не хватало сообразительности, чтобы выйти из положения. Сюэ Кайчао тоже не настаивал на том, чтобы он говорил, и просто потянул его на кровать.

Шу Цзюнь широко раскрыл глаза и свернулся в клубок. Лазурный Цилинь подошёл и ткнулся ему в шею, но Сюэ Кайчао отодвинул его на другую сторону подушки. Шу Цзюня никто не учил, но он знал, что нужно делать, — в театральных пьесах тоже были откровенные сцены, — и он начал расстёгивать одежду. Его пальцы дрожали, когда он развязывал пояс, обнажая кожу цвета мёда.

Он не мог смотреть прямо, поэтому отвернулся и начал снимать одежду с Сюэ Кайчао. Дело привычное, он с закрытыми глазами знал, как развязать узел, но через несколько движений его рука была схвачена Сюэ Кайчао.

Он был неопытен и растерян, не смел пошевелиться, чувствуя, как холодные руки, словно поток воды, текут по его телу, и он изо всех сил старался сдержаться, кусая губы.

Сюэ Кайчао небрежно гладил его, но другой рукой достал из-под подушки несколько листов бумаги и дал ему развернуть. Шу Цзюнь догадался, что, вероятно, Сюэ Кайчао изначально не собирался спать. На бумагах были написаны шифры, которые он не мог понять, но они, несомненно, касались важных дел. Чем больше он об этом думал, тем больше чувствовал себя как кошка или собака, которую гладит хозяин, но чьи мысли явно не сосредоточены на ней.

После прочтения Сюэ Кайчао задумался, глядя на полог, и притянул его к себе. Шу Цзюнь с трудом прижался к его груди, кончики пальцев наткнулись на заживающие, но ещё не исчезнувшие чешуйки на ране, и он невольно провёл по ним несколько раз. Тело Сюэ Кайчао внезапно напряглось, словно он очнулся, и он опустил взгляд на Шу Цзюня.

Ночью освещение исходило не от свечей, а от светящихся жемчужин. Мягкий и тёплый свет падал на лицо Сюэ Кайчао, создавая тени, похожие на разлитую воду, что делало его невероятно нежным. Сердце Шу Цзюня дрогнуло, и он, уже забывший о неловкости, внезапно вспомнил всё. Его тело словно обмякло, соскользнув с груди Сюэ Кайчао. Прозрачная белая одежда, как сброшенная кожа цикады, была снята. Он закрыл лицо руками, пытаясь спрятаться, словно в одно мгновение всё, что раньше было непонятно, стало ясным. Полураспустившийся цветок камелии был насильно раскрыт, его яркие лепестки вывернуты наружу, тычинки дрожали, а пыльца рассыпалась, как звёзды.

Их возня не давала спать и Лазурному Цилиню, который, беспокоясь и мучаясь, не понимая, что происходит, всё время крутился перед Шу Цзюнем. Однажды он даже забрался ему на грудь и уселся там, его глубокие сине-зелёные глаза, словно чернила, смотрели на него пристально.

Шу Цзюнь не смел смотреть в глаза чистому духовному телу, закрыл лицо руками и прикусил губу, оставив на ней ярко-красную ранку. Кровь вскоре свернулась, как киноварь, ослепительно яркая.

Сюэ Кайчао отодвинул Лазурного Циля, вытер слёзы с уголков глаз Шу Цзюня и вдруг вздохнул. Он обычно не был склонен к меланхолии, и Шу Цзюнь впервые услышал его вздох, но это звучало не как сожаление или тоска, а скорее как неудовлетворённость.

Волосы юноши уже беспорядочно рассыпались по подушке, ноги болели, и, как бы ни была велика его смелость, он сначала попросил пощады:

— Он всё ещё смотрит...

Духовное тело отражало мысли и порывы хозяина. Лицо Сюэ Кайчао слегка покраснело, веки полуопущены, но на Лазурном Циля это проявлялось как беспокойство и погружённость. Шу Цзюнь догадывался, что Сюэ Кайчао не был так уверен в себе, как казалось, и начал волноваться, но был схвачен и не мог свернуться в клубок. Дрожа, он встретил поцелуй.

<http://bllate.org/book/16142/1445407>